

За годы врачевания на чужбине Чу Чжаохуай привык прятать лицо за маской бесстрастного затворника — эдакого небожителя, познавшего истину. Он боялся, что из-за молодости его сочтут неучем, и хотя попытки выглядеть величественно раз за разом терпели крах, бесконечные подтрунивания закалили его характер. По крайней мере, краснеть по любому поводу он разучился.

Чу Чжаохуай сделал вид, будто ничего не произошло, и вежливо склонил голову:

— Ванъе.

Цзи Сюнь подпёр подбородок ладонью и вкрадчиво усмехнулся:

— А у ванфэй, оказывается, неплохая выучка. Видно, генерал Цинь не зря ел свой хлеб, наставляя вас.

Чу Чжаохуай замер.

«Генерал Цинь? Но разве наставником брата был не старый генерал Хуан?»

Поймав на себе пронизательный взгляд Цзи Сюня, Чу Чжаохуай почувствовал, как сердце пропустило удар. Опасаясь выдать себя, он неопределённо хмыкнул и поспешил сменить тему:

— Вы мне льстите... Ванъе, вам уже лучше?

— Пока не сдох, — лениво отозвался Цзи Сюнь. — Отвези своего «отца» в главный зал. Из дворца прибыли люди, говорят, привезли немало ценных даров для моего Ванфэй.

Чу Чжаохуай оцепенел.

От этого «отца» у него запыхали кончики ушей. Не успел он подыскать подходящую щель в полу, чтобы провалиться со стыда, как смысл второй фразы заставил его нахмуриться.

Подарки из дворца? Разве не они должны были отправиться к императору с благодарственным визитом?

Пусть Чу Чжаохуай и жил в Цзяннани, его дядя служил в столичной Академии Тайюань, так что о раскладе сил при дворе юноша имел некоторое представление.

Цзи Сюнь занимал особое положение. Пятый сын покойного императора, он приходился нынешнему правителю братом, вот только разница в возрасте у них составляла добрых тридцать лет.

Сейчас император уже перешагнул порог пятидесятилетия, в то время как Цзи Сюню не было и тридцати. Он был всего на пару лет старше наследного принца — самый расцвет сил для человека столь заносчивого и гордого.

В столице шептались, что если бы не увечье и не приступы безумия, Цзи Сюнь с его нежеланием подчиняться кому-либо давно бы взошёл на трон в результате переворота.

Вражда между дворцом и усадьбой Цзин-вана была секретом Полишинеля. То, что император подсунул больному брату мужчину в жёны, уже было оскорблением, но присылать дары на второй день свадьбы — это выглядело вдвойне подозрительно.

Такие подношения — всё равно что раскалённые угли: лучше к ним не прикасаться.

— Ванъе, я ещё не умывался, — замялся Чу Чжаохуай. — Боюсь, в таком виде я нарушу приличия...

— С чего бы? — Цзи Сюнь смерил его взглядом. — По-моему, выглядишь прелестно.

Чу Чжаохуай промолчал, но в душе возмутился.

«Мало того что калека и безумец, так ещё и со зрением беда?»

Инь Чжуншань куда-то исчез, и Чу Чжаохуай, понимая, что отвертеться не выйдет, молча подошёл к креслу. Он взялся за поручни и слегка толкнул.

Толкнул ещё раз.

Коляска не шелохнулась.

Чу Чжаохуай нахмурился.

На вид кресло казалось изящным и лёгким, искусно вырезанным из бука, но то ли Цзи Сюнь весил как чугунная статуя, то ли силёнок у лекаря было маловато — колёса едва провернулись на четверть оборота.

Цзи Сюнь сидел с невозмутимым видом, небрежно закинув ногу на ногу.

«Калека, а ещё и позы принимает», — ворчал про себя Чу Чжаохуай, налегая на спинку всем телом.

Заметив, что коляска лишь едва заметно подрагивает, Цзи Сюнь искоса взглянул на него:

— Ванфэй ведь обучался у генерала Линя. Неужто мастеру, чьё искусство превосходит многих, не под силу сдвинуть обычное кресло?

«Теперь уже генерал Линь?!»

Чу Чжаохуай не смел возражать. Собрав волю в кулак и набрав в грудь побольше воздуха, он рванул коляску с такой силой, будто пытался выкорчевать дерево. Кресло медленно, словно нехотя, покатилося вперёд. Скорость была сопоставима с передвижением муравья — калека на костылях и тот бы их обогнал.

Путь от заднего двора до главного зала пролегал через длинную галерею и мощёную камнем дорогу. Несмотря на зимнюю стужу, Чу Чжаохуай взмок, и когда они наконец добрались до места, по его лбу катился пот.

Не успел он перевести дух, как стоявший у дверей Инь Чжуншань едва заметно повёл бровью:

— Эта коляска сделана дворцовыми мастерами по особому заказу, простому человеку её не сдвинуть. У ванфэй недюжинная сила, сразу видно школу генерала Хо.

Чу Чжаохуай едва не задохнулся от возмущения.

«Да у какого же генерала в конце концов учился Чу Чжаоцзян?!»

В груди всё клокотало. Ему до смерти хотелось опрокинуть это чёртово кресло вместе с Цзи Сюнем, чтобы тот растянулся на земле кверху тормашками.

Этот человек издевается над ним или просто играет?

Дворцовые слуги почтительно замерли в стороне. Возглавлял их евнух Сюй — бледный, гладковыбритый старик. Увидев Цзи Сюня, он пал на колени, но когда его взгляд скользнул по лицу Чу Чжаохуая, густо замазанному белилами и румянами, в глазах на мгновение промелькнуло изумление, которое он тут же скрыл.

— Приветствую ванъе и ванфэй.

Цзи Сюнь слегка повернул голову:

— А это кто?

— Евнух Сюй, доверенное лицо Его Величества, — подсказал Инь Чжуншань.

Цзи Сюнь на мгновение задумался:

— Забыл.

— Раб — существо ничтожное, недостойно оно того, чтобы ванъе утруждал себя памятью о его имени, — елеинным голосом пропел евнух Сюй. — Вы болели целых полмесяца, Его Величество от тревоги места себе не находил, кусок в горло не лез. Но сегодня утром, едва прослышав о вашем выздоровлении, он тотчас велел мне доставить укрепляющие снадобья.

Инь Чжуншань внутренне похолодел.

Покушение произошло лишь вчера вечером. После того как ванъе пришёл в себя, усадьбу полностью заблокировали, а всех, кто пытался передать весть наружу, уничтожили. И всё же едва открылись дворцовые ворота, император уже обо всём знал.

Значит, в поместье всё ещё скрывался соглядатай, и сидел он очень глубоко.

Цзи Сюнь мазнул взглядом по нефритовым флаконам с лекарствами и коротким жестом велел Инь Чжуншаню забрать их.

— Благодарю августейшего брата за заботу.

Евнух Сюй расплылся в улыбке:

— Храм Хуго не зря зовётся священной обителью. Месяц назад я по указу императора возжигал там лампы за здоровье ванъе. Настоятель, изучив ваш гороскоп, посоветовал устроить свадьбу, дабы отпугнуть напасти. И посмотрите — стоило вчера свершиться обряду, как болезнь отступила. Истинное чудо, божественное покровительство.

Так он завуалированно объяснил, зачем Цзи Сюню навязали этого «супруга».

Цзи Сюнь терпеливо выслушал всю эту складную ложь, и на его бледном лице проступила улыбка:

— Император так добр к своему слуге, я тронут до глубины души. Как только мне станет чуть лучше, я непременно явлюсь во дворец вместе с ванфэй, чтобы выразить благодарность.

Дул резкий, ледяной ветер. Цзи Сюнь, одетый лишь в тонкое нижнее платье, закашлялся, прикрыв рот ладонью. Его полураспущенные волосы разметались по плечам.

Глядя на него, евнух Сюй испытывал странную смесь облегчения и горечи. Облегчение от того,

что этот человек, некогда бывший непобедимым богом войны в северных землях, теперь навсегда лишился шансов на престол. И горечь — от осознания того, как легко императорская семья может низвергнуть своего самого блестящего воина в дорожную пыль.

Евнух Сюй тихо вздохнул:

— Хорошо, что ванъе понимает благие намерения Его Величества. Помнится, не так давно вы прилюдно заявляли о своей симпатии к молодому маркизу. Теперь этот союз — предмет зависти для всей столицы.

Чу Чжаохуай, до этого старавшийся не отвечать, резко вскинул голову.

«Симпатии?»

— О? — Цзи Сюнь вопросительно взглянул на Инь Чжуншаня. — Когда это я говорил о симпатии к сяо-хоуе?

Лицо евнуха Сюя окаменело.

Инь Чжуншань бесстрастно процитировал:

— Двадцать третьего числа зимнего месяца вы изволили сказать: «Раз уж я до сих пор не женат, а почтенные чиновники так пекутся о моём будущем... что ж, отдайте мне молодого маркиза из усадьбы Чжэньюань. Пусть брат дарует мне этот брак».

— Ах, припоминаю, — кивнул Цзи Сюнь с притворным воодушевлением. — И впрямь, я ведь без памяти влюблён в сяо-хоуе. Пылаю страстью, не иначе, раз самолично просил у императора этой свадьбы.

Евнух Сюй: «...»

Чу Чжаохуай: «...»

Старый евнух едва не подавился собственными словами. Его лицо превратилось в застывшую маску. Пробормотав что-то о «шутках ванъе», он утёр холодный пот и велел слугам поднести дары.

— Именем императора! За великие заслуги супруге Цзин-вана жалуется...

Чу Чжаохуай, видя, как главный евнух трепещет перед Цзи Сюнем, лишь укрепился в мысли: с этим Богом Несчастий лучше не ссориться. А от подарков лучше бы...

Слуги открыли ларцы.

Чу Чжаохуай замер.

— Сто золотых слитков, жемчуг Южных морей, пятьсот лянов серебра, шуба из золотистого соболя... — монотонно перечислял евнух Сюй.

На подносах, сверкая в лучах зимнего солнца, лежали сокровища, достойные императорской помолвки. Блеск золота и нефрита едва не ослепил юношу.

«Пожалуй, с Богом Несчастий можно и договориться. Ради такого-то богатства».

Чу Чжаохуай невольно коснулся лица и столкнулся взглядом с Цзи Сюнем. Тот лениво наблюдал за ним, перебирая пальцами навершие своего золотого посоха. Длинные, тонкие пальцы поглаживали глаза голубя; кожа на подушечках бледнела от нажима, а затем вновь наливалась кровью.

Чу Чжаохуай вздрогнул, вспомнив, как этот посох, словно клинок, оставлял в телах врагов зияющие дыры.

«Нет... Жизнь всё-таки дороже».

Дары были частью свадебного обряда, и открытый отказ стал бы пощёчиной самому императору. Чу Чжаохуай оказался в ловушке, лихорадочно подбирая слова. Ему нужно было соблюсти приличия, чтобы не сделать своё положение в усадьбе ещё более шатким.

Евнух Сюй, словно предугадав его мысли, улыбнулся:

— Ванфэй, а это — личный подарок от благородной наложницы Чу.

Чу Чжаохуай вздрогнул.

«Благородная наложница Чу?»

Он так долго пробыл вдали от столицы, что почти забыл о своей тётке, занимавшей столь высокий пост во дворце.

Подарок от кровной родственницы отклонить было невозможно.

Чу Чжаохуай украдкой глянул на Цзи Сюня. Тот уже потерял к нему интерес и сидел, подперев голову рукой, с отсутствующим видом — словно хищник, впавший в дремоту.

Так и не дождавшись никакой реакции, Чу Чжаохуай решил плыть по течению:

— Благодарю тётку за заботу.

Евнух Сюй довольно кивнул:

— Его Величество также велел передать: через несколько дней, когда наступит время визита в родительский дом, ванье, только что оправившемся от недуга, не стоит утруждать себя дорогой. Пусть отдыхает в поместье, дабы не подрывать силы лишними хлопотами.

Цзи Сюнь посмотрел на евнуха. Он не произнёс ни слова, но от этого мимолётного, почти невесомого взгляда у Сюя перехватило дыхание, а улыбка едва не сползла с лица.

Спустя долгую паузу Цзи Сюнь медленно улыбнулся:

— Ванфэй возвращается в родной дом. И по чести, и по долгу — мне надлежит его сопровождать.

Получив ответ, на который рассчитывал император, евнух Сюй облегчённо выдохнул. Рассыпавшись в дежурных любезностях, он поспешил откланяться, чтобы поскорее вернуться во дворец с докладом.

Инь Чжуншань хмуро смотрел вслед уходящим слугам.

Усадьба маркиза Чжэньюань знала лучшие времена. При основателе рода она обладала колоссальной властью, но к нынешнему главе, Чу Цзиню, от бывшего величия не осталось и следа. Титул «Чжэньюань» стал пустой формальностью.

И всё же древний род нельзя было сбрасывать со счетов. Император, устраивая этот брак, явно не хотел, чтобы маркиз стал опорой для Цзин-вана.

Тогда зачем он так настойчиво заставляет ванье сопровождать супруга в дом тестя?

Чу Чжаохуай, не заметив подвоха, втайне радовался. Раз это подарки не от императора, их можно было принять со спокойной совестью.

Почувствовав на себе взгляд Цзи Сюня, он тут же стёр улыбку с лица и принял вид человека, обременённого тяжким долгом:

— Ванье, подношение тётки... право, мне было неловко отказывать.

— Неловко? — Цзи Сюнь приподнял бровь. — Раз уж ванфэй так тяготится этим бременем, может, велим Чжуншаню запереть всё это в моей сокровищнице?

Чу Чжаохуай замер.

Гнев и обида боролись в нём с желанием выругаться вслух. Спустя мгновение он выдавил из себя:

— На самом деле... всё не так уж плохо. Я справлюсь с этим чувством, не стоит утруждать ванье.

Цзи Сюнь усмехнулся, и в его глазах блеснул опасный огонёк:

— Ванфэй теперь мой человек. К чему эти разговоры об «утруждении», когда речь идёт о такой мелочи?

Чу Чжаохуай почувствовал, как в голове стало пусто. На мгновение ему показалось, что он уже умер.

Он всё-таки услышал.

<http://bllate.org/book/15341/1372767>